

Французская классика «пролетарского» юбиляра

Алексей МИНКИН

Для театра на Большой Садовой, 16, прошедший год - юбилейный. И не единожды. 75 лет назад в столице родился коллектив со странно звучащим для нынешнего дня творческим отчеством - имени МГСПС. Чуть позднее его перенесли в МОСПС, а 60 сезонов тому он обрел современное, но также нелепое для театра имя - Моссовета. Несмотря на «пролетарское» происхождение, здесь любят французскую классику. Лишь в наши дни ставились и ставятся Моцарт, Дюма, Флобер, Франс и, наконец, Мопассан. И это закономерно исторически, поскольку в данной связи стоит вспомнить еще одну круглую дату. Конец минувшего столетия ознаменовался появлением в Москве, у Триумфальной площади, увеселительного сада «Чикаго» с номерами, ресторациями, эстрадами, муляжами гротов, искусственным водопадом и, самое главное, театром. И вот в 1898 г. обретший нового владельца, И. Соловейчика, подновленный сад, ставший «Аквариумом», открылся пред москвичами. Первым арендатором реконструированного М. Малкиелем и А. Новиковым театра 100 лет назад стал французский опереточный антрепренер Шарль Омон. Его замыслом, на парижский манер, сад должны были украсить светильники и гирлянды, каскады фонтанов, ручьи и внушительных размеров обиталище экзотических рыб - не всему удалось сбыться. Да и Омон властвовал недолго: с 1904-го зал, вмещавший до тысячи «народу», арендовала отнюдь не развлекательная опера Зимина, а за два года до революции в «Аквариуме» вообще сменились хозяева. М. Царев и Ф. Томас (кстати, мулат) продолжили было ремесло Соловейчика и Омона, да приспела иная, вылившаяся в «моссоветское» правление, эпоха. «Аква-

риум» потускнел, и хотя одно время его главную сцену использовали студии «ермоловцы», театр опустел и мало-помалу разрушался. Перед самой войной (наверно, памяти о французской музыкальной комедии) на его месте, сохранив часть старой постройки, пытались возвести Театр оперетты, но страшные вести с западных границ разрушили все планы. Лишь в декабре 1959 г. новый театр «Аквариума», возведенный по проекту М. Жирова, поднял занавес. Правда, не «Летучей мышью» или «Королевой чардаша». Объемы новостройки занял коллектив имени Моссовета, обретавшийся и в Каретном ряду, и на площади Журавлева. Труполюбивый руководил исповедовавший дух творчества и изысканности Ю. Завадский. Нынче, увы, дух не тот. С одной стороны, он поблек, полегчал и сместился в сторону коммерции. С другой, напротив, отяжелел. Иные времена, иные ориентиры. Да и труппа претерпела значительные изменения. Жизнь театра без перемен невозможна. Не бывает ее и без премьерных спектаклей. А в Моссовете, повторяю, любят классику с берегов Сены. Так что: здравствуйте, мсье де Мопассан и господин Дюруа. Представление «Милого друга» свершилось. И есть в этой премьере, казалось бы, все для симпатии: со звездные замечательных актеров (М. Терехова, А. Домогаров, В. Стеклов, А. Ильин, Н. Пшенная, Б. Иванов, А. Адоскин), профессиональная игра, меткие - писанные будто на злобу се-

годняшнего дня - афоризмы, легкая музыка и прекрасные костюмы, но чего-то тягостно не хватает. В конце спектакля вдруг почему-то осознаешь: а ведь пришел не только за тем, что случилось. Сюжет «Милого друга» известен: в Париже делает оглушительную карьеру Жорж Дюруа, молодой человек, принесший в жертву сомнительной цели любовь, дружбу, родственные связи. Внешние данные, напористость, кажущаяся искренность - все пущено на благо идеи. Ложе героя, ставшее, по режиссерскому замыслу А. Житинкина, основой сцены, не пустует. Дюруа работает на нем по-настоящему и напряженно, в режиме БАМовских строек. И хотя, становясь альфонсом, приходится то и дело пирить мужское самолюбие, - не беда: ведь не пустует и кошелек, а вместе с ним наполняется копилка жизненных сладостей. Нравственная черта? Она давно стерта. И приторной перспективою уже

маячат перед Дюруа депутатское и министерское кресла. Да вот не вышло - обнял, грубо говоря, Кондратий. Показательный урок на тему: «Что такое хорошо и что такое плохо» состоялся. Возможно, кто-то резонно спросит: а чего, дескать, хорошего в нищете? Тем паче, когда в лобзаниях последней покидают этот мир, его же, этот мир, воспевавшие Вивальди, Ван Гог, Саврасов? Ничего хорошего. Да и к должникам во всем мире относились достаточно сурово: вспомни и бич русского купечества - долговые ямы, и судьбу герцога де Круи, при Нарве переметнувшегося к шведам. Наделавший в последние годы жизни долгов, этот русский бельгиец не мог - по шведским законам - быть преданным земле, и аж до самого конца прошлого века иссохшая его мумия, выставленная напоказ и за деньги, открыто почивала в ревельской церкви Нигулисте. Это, конечно, крайность. Но что делать с моральными должниками? Жоржами Дюруа и иже с ними? Да и натура, по определению Достоевского, даром не дается. Тут-то наконец кое-что и понимаешь: и чего не достает спектаклю, и почему самый читаемый автор мира не Мопассан, а Достоевский. В «Милом друге» нет натуры. Точнее, есть тип, но нет глубокого анализа душевного настроения и внутренних переживаний, человеческого нутро не вывернуто наружу. Мопассан (а с ним авторы сценической версии) только скользит по психологии героев, только показывает, как и что, но не почему. А «почему» слишком много. И никаким актерским профессионализмом, никакой видимой доступностью их не раскроешь, не скроешь. Даже в театре с выдающимся именем. Даже в год многократных юбилеев...

На снимке: Жорж Дюруа - А. Домогаров, Виржини - М. Терехова («Милый друг»).

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.